

Яков Оренштайн: свой среди чужих, чужой среди своих

Яков Оренштайн

Удостоверение, выданное Оренштайну
МИД Украинской державы, 1918

О еврее, сделавшем для украинской культуры больше, чем многие украинцы, крупнейшем издателе украинской книги Якове Оренштайне, чья судьба достойна романа, — рассказывает д-р политических наук, профессор, приглашенный лектор магистерской программы по иудаике НаУКМА, автор книги «Вічний жид Коломиї» Иван Монолатий.

— Профессор, обрисуйте исторический фон эпохи Оренштайна — кем были евреи для украинцев Галиции в конце XIX века? Добрыми соседями, иноверцами, конкурентами?

— Я обозначил бы их как *иных своих* — украинские источники тех лет

употребляют формулу *наші жиди* без негативной коннотации. С одной стороны, Австро-Венгерская империя отличилась межэтнической толерантностью, и многие галичане жили по принципу «живи сам и дай жить другим». С другой, еврейское население Галиции составляло основу экономики края, и это пугало как поляков, так и украинцев. Поэтому и в польских, и в украинских кругах раздавались ксенофобские голоса, антисемитом был, например, Кирилл Трилевский — глава Украинских сечевых стрельцов, воевавших в Первую мировую на стороне Австро-Венгрии. На совести этого депутата австро-венгерского парламента и Галицкого сейма организация нескольких еврейских погромов, чего он, кстати, не скрывал.

Для многих украинцев и поляков евреи были если не врагами, то абсолютно лишним этническим сегментом в том национальном Пьемонте, который они рассматривали как основу возрождения своих независимых государств — украинского и польского, соответственно. Борьба этих национализмов уже после Первой мировой войны стала, к сожалению, основой межэтнических отношений в Галиции.

— *Насколько в этом контексте появление такой фигуры, как Оренштайн, было событием исключительным? Ведь он стал специализироваться на издании украинской книги, когда сами украинцы об этом не помышляли...*

— Без сомнения, издавая книги на польском языке или на идише, Оренштайн не столкнулся бы и с долей тех проблем, которые возникли у него впоследствии. Хотя, прежде всего, он был дальновидным и успешным бизнесменом, понимавшим, что значительная часть населения Восточной Галиции говорит по-украински и нуждается в дешевой, доступной книге на родном языке. В 1902-м он издает серию открыток по мотивам «Гайдамаков» Шевченко, а вскоре принимается за мировую классику — именно из его «Галицької накладні» впервые вышли по-украински Фридрих Ницше, Анатоль Франс, Бернад Шоу, Конан Дойл и даже Карл Маркс. В 1902-м Оренштайн издает серию открыток по мотивам «Гайдамаков» Шевченко, а вскоре принимается за мировую классику — именно из его «Галицької накладні»

впервые вышли по-украински Фридрих Ницше, Анатолий Франс, Бернард Шоу, Конан Дойл и даже Карл Маркс

В 1902-м Оренштайн издает серию открыток по мотивам «Гайдамаков» Шевченко, а вскоре принимается за мировую классику — именно из его «Галицької накладні» впервые вышли по-украински Фридрих Ницше, Анатолий Франс, Бернард Шоу, Конан Дойл и даже Карл Маркс

Идея массовой украинской книги витала в воздухе, просто Оренштайн обладал финансовым ресурсом (во многом благодаря ссудам, полученным от еврейских бизнесменов Коломыи), прекрасно ощущал конъюнктуру и хорошо знал рынок. Но я бы не сводил все к чистой прибыли — будучи евреем, Оренштайн вполне искренне сочувствовал украинскому национальному проекту.

— И как идеологи этого проекта восприняли, что столь важная просветительская и, в какой-то мере идеологическая миссия, оказалась в еврейских руках?

— Известный украинский библиограф Иван Кривецкий еще в 1904 году отмечал, что провинциальная 40-тысячная Коломыя может стать третьим по значению издательским центром украинской книги в Австро-Венгрии (после Вены и Львова) и главная заслуга в этом принадлежит галицькому жиду Оренштайну — *поодинокій чужій людині, котра видає українські книжки.*

Здесь стоит заметить, что Львов считался польско-еврейским городом, а Коломыя — преимущественно украинским, хотя украинцы жили в основном в предместье, побаиваясь города как феномена, где царили еврейская торговля и польские порядки. Пословица «польські вулиці, жидівські кам'яниці (т.е. магазины)» живуча до сих пор, подчеркивая страх украинца перед городом.

Так или иначе, но благодаря Оренштайну Коломыя интегрируется в украиноязычное культурное пространство того времени. Разумеется, не всем нравилась активность Оренштайна на украинском издательском поле. Например, писатель Богдан Лепкий высказался в духе, мол, была хорошая идея и та попала в руки к еврею

Разумеется, не всем нравилась активность Оренштайна на украинском издательском поле. Например, писатель Богдан Лепкий высказался в духе, мол, была хорошая идея и та попала в руки к еврею

Хотя сам издатель приглашал к идее своей «Загальної бібліотеки», в рамках которой вышло 300 книг, все местные украинские круги, подчеркивая свою аполитичность и нейтральность.

— Так кем он был на ваш взгляд — украинским издателем или издателем украинской литературы? И владел ли сам Оренштайн украинским языком?

— Он называл себя *українським накладовцем жидівського роду* и вполне владел языком, на котором издано большинство книг «Галицької накладні». Сохранились его письма, написанные по-украински тогдашним деятелям украинского национального движения — в основном, депутатам Австрийского парламента. Например, в переписке с историком, педагогом и политиком Александром Барвинским Оренштайн демонстрирует приверженность идеалам будущего украинского государства. В письмах к журналисту и писателю Михаилу Павлику издатель с презрением отзывается о галицких москвофилах, настаивающих на необходимости союза с матушкой Россией, называя их негодьями и врагами украинской идеи. Правда, эти письма написаны уже по-немецки.

Догматиком он явно не был, например, в годы Первой мировой Оренштайн издает на русском языке «Очерк истории русской литературы» и даже «Красную шапочку», за что в 1990-е был назван некоторыми коломыйскими

«патриотами» запродавцем и коллаборационистом.

Вряд ли для Оренштайна украинский был основным языком, он прекрасно владел и немецким, и польским. Но характерно, что его дочь в эпоху Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) окончила гимназию в Коломые и, по воспоминаниям современников, изъяснялась на очень изысканном украинском языке. Это ведь тоже о многом говорит.

Коломыя, нач. XX века

— 1917 год многое изменил в судьбе Оренштайна? Большевиков он на дух не переносил, даже приобрел для армии УНР аэроплан, но и жизни под властью Польши предпочел эмиграцию...

— Это было позднее, но его позиция в отношении украинской революции очень показательна — он даже получил из рук гетмана Скоропадского документ для выезда за границу в качестве представителя министерства просвещения Украинского государства — для продвижения издательских проектов. Он этим воспользовался и уже в эмиграции, в 1919 году, основал в Берлине «Українську накладню». Кстати, в Берлине он жил в ранге дипломатического советника посольства УНР, а министерство иностранных

дел подарило ему отдельный дом для обустройства издательства.

Экс-министр просвещения УНР Иван Огиенко вспоминал, что узнав о банкротстве Оренштайна в начале 1920-х годов, Симон Петлюра дал распоряжение поддержать издателя, заказав у него учебники для украинских школ в диаспоре

В те годы Оренштайн активно контактировал с Петлюрой и кругами, близкими к Скоропадскому, о его изданиях вспоминал Грушевский, заказывая через своего помощника некоторые книги. Экс-министр просвещения УНР Иван Огиенко вспоминал, что узнав о банкротстве Оренштайна в начале 1920-х годов, Симон Петлюра дал распоряжение поддержать издателя, заказав у него учебники для украинских школ в диаспоре. Сам Оренштайн извещал правительство УНР в изгнании, что у него остались 40 вагонов книг, которые он хотел бы переправить на Украину, но большевистская оккупация и падение украинских правительств сделали это невозможным.

— В какой мере Оренштайн стремился к интеграции культур, наводя мосты между общинами? Или он был и всегда оставался одиночкой, не пытаясь начать межнациональный диалог, пусть и на локальном уровне?

— Да, с одной стороны он был волк-одиночка, которого не понимали многие современники — как украинцы и поляки, так и евреи. Но что касается наведения мостов, то достаточно вспомнить его попытки создать Украинский университет в межвоенной Польше. Украинские и польские круги в Варшаве рассматривали его — еврейского издателя — как фигуру, которая поможет достичь компромисса украинцам и полякам в Галиции. Эту приверженность компромиссу он подчеркивает и в показаниях польским следователям, обвинявшим его в поддержке идеи украинской государственности в Восточной Галиции. Сам Оренштайн неоднократно говорил, что обеспокоен

проблемой взаимодействия между украинцами и поляками.

Книги, изданные
Яковом
Оренштайном

— Это прекрасно, а взаимодействие между украинцами и евреями его не беспокоило?

— В 1924-м он был посредником в украино-еврейских переговорах в контексте процесса Штайгера. 5 сентября 1924 года боевик Української військової організації (УВО) совершил во Львове покушение на президента Польши Войцеховского. Полицией был арестован проходивший мимо еврей Станислав Штайгер и, несмотря на то, что УВО сразу взяло на себя ответственность за теракт, следствие склонялось к «еврейскому следу». Освобождению Штайгера могло способствовать публичное оглашение имени настоящего исполнителя, чего и добивался Оренштайн от лидеров украинской эмиграции, но глава УВО Евгений Коновалец не пошел на этот шаг. Впрочем, боевик вскоре сам себя обнаружил, Штайгер был освобожден, а представители Еврейской парламентской группы во главе с Леоном Райхом подписали договор о взаимодействии с польским правительством.

Так или иначе, но попытки навести мосты между украинскими националистами и евреями в Галиции (а они предпринимались и вне всякой связи с процессом Штайгера) окончились ничем, хотя с обеих сторон были люди, вполне готовые к такому сотрудничеству. Подавляющее большинство евреев региона считали себя поляками Моисеева закона, а не украинскими евреями, и это было ключевой проблемой. Настоящий диалог так и не начался, и Оренштайн, несмотря на свой авторитет, был фигурой второго плана на этой шахматной доске.

— В какой мере сам Оренштайн ощущал свою еврейскую идентичность? Он ведь даже баллотировался на пост главы еврейской общины Коломыи в апреле 1917 года...

— Будучи слишком контroversальной фигурой выборы он проиграл, в общине его не восприняли как потенциального лидера. Имидж украинского издателя уже был грехом в глазах местных полонизированных евреев, ведь конструкт *украинец Моисеева вероисповедания* так и не появился, это был нонсенс.

Что значило для него еврейство? В начале своей карьеры Оренштайн издает почтовые открытки с героями произведений украинской литературы и национальными типажам Галиции — там есть поляки, есть армяне, но нет евреев — и это некая загадка. В 1919-м, уже в Берлине, он выпускает роскошное издание «Гайдамаков» Шевченко — возможно, лучшее издание

этой поэмы по сей день. Интересный выбор для 1919 года, учитывая состояние украино-еврейских отношений в этот период, не правда ли? И учитывая, что за всю жизнь он не издал ни одной книги на иврите или на идише.

При этом Оренштайн никогда не отказывался от своего еврейства — в австрийский период он называл себя австрийским евреем, в годы украинской революции был *українським жидом*, при Польше определял себя как поляка Моисеева закона и под конец жизни, в Германии, считал себя немецким евреем. Менялись страны и эпохи, но еврейский стержень всегда оставался в основе его идентичности.

Оренштайн никогда не отказывался от своего еврейства — в австрийский период он называл себя австрийским евреем, в годы украинской революции был украинським жидом, при Польше определял себя как поляка Моисеева закона и под конец жизни, в Германии, считал себя немецким евреем.

— Как он — живя в Берлине — воспринял приход к власти нацистов?

— Говорил, что современные немцы не похожи на немцев образца 1918 года, вступивших в Киев, а прошло ведь всего 15 лет. Гестапо, кстати, преследовало Оренштайна не только как еврея, но и как украинского издателя, требуя убрать вывеску «Українська накладня» с его типографии в Берлине. Он просил разрешить перенести свое издательство в какую-либо другую столицу Европы, пытался спасти многотысячные тиражи украинской литературы, а позднее просто отдал их Центральному комитету Кубийовича на территории генерал-губернаторства — так появилась целая сеть украинских библиотек в различных населенных пунктах нынешней Польши.

— А что это за детективная история с лишением его берлинского дома, в которой неблагоприятную роль сыграла дочь Ивана Франко?

— История примечательная, хотя в 1940 году, когда Анна Франко-Ключко заявила свои претензии на этот дом, Оренштайна уже не было в Берлине —

еще в 1938-м, как польский подданный, он уехал к сыну в Варшаву. Франко этого, видимо, не знала и через Гестапо пыталась выяснить, на каком основании в Берлине проживает Оренштайн, — возможно, это был завуалированный донос. Дело в том, что в 1919-20 годах она с мужем (чета представляла Украинскую миссию Красного Креста в Германии) сама жила в этом доме.

Позднее он был подарен правительством УНР Оренштайну и стал неким символом приверженности издателя-еврея идеалам павшей украинской государственности.

Берлинский отель, где в начале 1920-х жил Яков Оренштайн

Покидая Германию, Оренштайн передал дом, по одним сведениям, под центр украинской эмиграции, по другим — предлагал использовать его как резиденцию греко-католического настоятеля Берлина. Известный украинский историк Иван Кедрин-Рудницкий (еврей по матери) в 1940 году пишет, что судьбой дома Оренштайна заинтересовался митрополит Андрей Шептицкий, планировавший там создание центра украинских греко-католиков Германии.

Повторюсь, сам Оренштайн в это время жил уже у сына Иосифа в Варшаве, где тот владел магазином научной книги, который просуществовал до 1940 года и был закрыт нацистами.

— *Насколько я понимаю, Холокост из довольно большой семьи Оренштайна никто не пережил?*

— К сожалению... 12 сентября 1942 года Яков Оренштайн был расстрелян вместе со своей женой Розой-Хаей Адлер и старшей дочерью Региной в Варшавском гетто — фактически накануне большой депортации в Трешлинку.

Трагически сложилась судьба и двух других его детей — сына Иосифа, который с конца 1939 года жил во Львове у своей сестры Аделины и ее мужа — адвоката Вильфа. Их расстреляли в начале марта 1943 года — либо на территории гетто, которое к тому времени уже практически прекратило существование, либо в Яновском лагере. Вплоть до последнего времени об этих людях не было ни строчки даже в зале имен Яд ва-Шем — я лично, будучи в Иерусалиме, заполнил необходимые документы.

— *Почему Оренштайн до сих пор остается маргиналом как для украинской, так и для еврейской обществeнности? Он свой среди чужих, чужой среди своих даже для земляков из Коломыи?*

— В Коломые еще в начале 1990-х, когда шел парад переименований, одной из улиц в центральной части города присвоили имя Оренштайна, хотя она не имеет отношения к его жизни и деятельности. Правда, там сохранились руины синагоги 1616 года, где в советское время размещалась инкубаторная станция.

На городском уровне память об Оренштайне сохраняется в кругах краеведов и историков, в год 140-летия со дня его рождения была выдвинута инициатива открыть мемориальную доску на одном из зданий, где размещалась «Галицька накладня», — надеемся, что нынешним летом это произойдет.

Но в масштабе страны Оренштайн удостоился всего нескольких строк в энциклопедиях (изданных, преимущественно, в диаспоре), где не указаны даже даты его жизни.

Іван Монолатий

Для соплеменников он тоже странная фигура — издатель, не напечатавший ни одной еврейской книги в городе, где половину населения составляли евреи, посвятивший жизнь украинскому делу и при этом так и не ставший украинцем Моисеевого вероисповедания. Для соплеменников он странная фигура — издатель, не напечатавший ни одной еврейской книги в городе, где половину населения составляли евреи, посвятивший жизнь украинскому делу и при этом так и не ставший украинцем Моисеевого вероисповедания. Эту двойственность я обыгрываю в названии книги, взяв в кавычки «Українець» *Моисеевого визнання.*

**Для соплеменников он странная фигура — издатель,
не напечатавший ни одной еврейской книги в городе,
где половину населения составляли евреи,
посвятивший жизнь украинскому делу и при этом так
и не ставший украинцем Моисеевого вероисповедания**

Абсолютно очевидно, что он мог жить припеваючи, издавая польские, еврейские и немецкие книги, и абсолютно не идентифицируя себя с Украиной, которая отсутствовала на тогдашней политической карте. Мог, но выбрал другой путь. На самом деле Яков Оренштайн сделал для украинской культуры больше, чем многие украинцы. Думаю, украинское государство в долгу перед ним и надеюсь, что мои скромные усилия помогут осознать истинный масштаб этой личности и ее вклад в украинское дело.

Беседовал Михаил Гольд